

П. Н. Полевой

**История Русской словесности: с древнейших
времен до наших дней**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. Н. Полевой**
История Русской словесности: с древнейших времен до наших дней: Том 1 / П. Н. Полевой – М.: Книга по Требованию, 2021. – 718 с.

ISBN 978-5-517-97086-2

ISBN 978-5-517-97086-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ

И

ВВЕДЕНІЕ.

*„Словесность есть не что иное, какъ шнуровая книга
современнаго капитала идей и знаній..“*

Н. Надединъ.

Предисловіе.

Издавая въ свѣтъ нашъ настоящій трудъ по Исторіи Русской Словесности, мы задавались одною, главною цѣлью: — въ общедоступной формѣ изложенія дать возможно-полную картину умственной и духовной жизни русскаго народа, насколько она проявилась въ словѣ устномъ, писанномъ или печатномъ, начиная съ древнѣйшихъ произведеній народной словесности, еще полнаго живности и простоты, до самыхъ позднѣйшихъ твореній нашихъ классическихъ писателей и поэтовъ, ученыхъ и публицистовъ. Но наша „Исторія Русской Словесности“ была бы далеко не полною и не законченною, если бы мы ограничились однимъ общимъ обзоромъ произведеній русской словесности во всемъ ихъ объемѣ, или изложеніемъ біографическихъ фактовъ, рисующихъ намъ личную жизнь и дѣятельность русскихъ писателей...

Исторія Словесности, на нашъ взглядъ, можетъ явиться полною и законченною лишь въ томъ случаѣ, если она, занимаясь фактами *литературной жизни писателей* и обзоромъ ихъ произведеній, въ то же время дастъ понятіе и объ обществѣ, среди котораго писатели жили и дѣйствовали. Безъ этого необходимаго дополненія, Исторія Словесности будетъ представлять собою сухой и скучный перечень именъ и фактовъ, не имѣющій серьезнаго образовательнаго значенія; да и самая „Исторія писателей“, помимо своей связи съ исторіей общества, обратится въ текстъ біографическаго словаря, пригодный для справокъ, но неудобный для чтенія...

Не слѣдуетъ забывать, что писатель настолько же немислимъ безъ общества, насколько развитое, образованное обще-

ство немислимо безъ писателей. Писателю нужна публика, читающая и сочувствующая, публика способная его понять, поднять его энергію, оцѣнить его убѣжденія и направленіе, его нравственныя цѣли. Вотъ почему одною изъ важнѣйшихъ задачъ Исторіи Словесности должно быть выясненіе степени вліянія писателей на современное поколѣніе и вся дѣятельность ихъ должна быть разсматриваема не иначе, какъ въ тѣсной связи съ современными условіями общественной жизни и господствовавшими въ ней воззрѣніями, понятіями и правами. Нельзя упускать изъ виду, что писатели, среди современнаго имъ общества, являются лишь избранными представителями и провозвѣстниками того общественнаго движенія, которое, незримо для всѣхъ насъ, совершается непрерывно среди послѣдовательно - смѣняющихся, нарастающихъ поколѣній...

При такомъ взглядѣ на значеніе дѣятельности писателя, мы, конечно, должны были въ нашей Исторіи Русской Словесности отвести видное мѣсто и исторіи русскаго просвѣщенія, и обзору поступательнаго движенія русской исторической и словесной науки вообще, насколько она можетъ и должна входить въ область Русской Словесности.

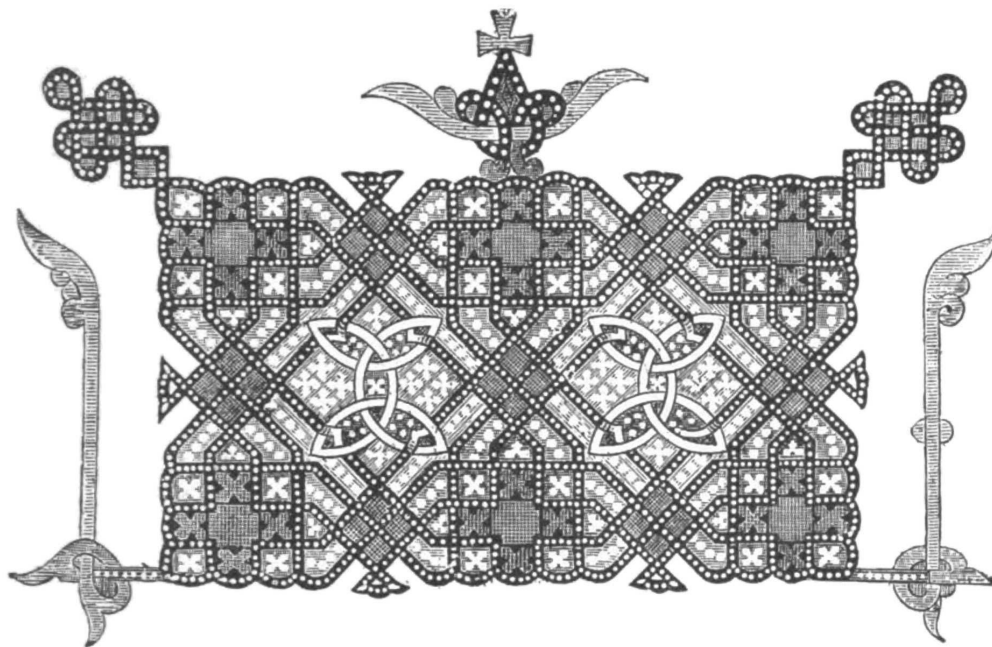
Излагая Исторію Русской Словесности въ тѣсной связи съ тѣми различными условіями и вліяніями, которыя въ разное время способствовали ей развитію или задерживали ея ростъ, мы стараемся дать читателю, при каждомъ удобномъ случаѣ, нѣкоторое представленіе о томъ, какъ постепенно, въ различныя эпохи, видоизмѣнялся и развивался русскій книжно-литературный языкъ. Въ этихъ видахъ мы даемъ возможность читателю ознакомиться съ нашимъ литературнымъ языкомъ въ произведеніяхъ нашихъ писателей отъ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда Іоаннъ Вишенскій писалъ къ князю Острожскому о русско-славянскомъ языкѣ, что онъ есть „плодоноснѣйшій и Богу любимѣйшій“, когда Ломоносовъ наивно восхвалялъ качества и достоинства современнаго ему русскаго литературнаго языка и превозносилъ его предъ всѣми европейскими языками—и до нашего времени, избалованнаго гармоническими стихами Пушкина и Лермонтова и высоко художественною прозою Тургенева и Гончарова.

Въ какой степени удалось намъ выполнить нашу трудную задачу—судить не намъ...

П. Полевой.

10 декабря 1899 г.

ВВЕДЕНІЕ.

"En ἀρχὴ ἦν λόγος...

„Въ началѣ бѣ Слово“ — такъ вдохновенный Евангелистъ начинаетъ свое благовѣствованіе. Такъ всего справедливѣе будетъ и намъ, именно этими словами Евангелиста, начать введеніе къ нашему труду по Русской словесности. Начать съ тѣхъ завѣтныхъ словъ, которыя должны быть намъ вдвойнѣ дороги, потому что они были, вѣроятно, первыми, начертанными на церковно-славянскомъ языкѣ въ переводѣ братьевъ-первоучителей славянскихъ.

Да, въ основѣ всякой словесности, несомнѣнно, лежитъ *слово*—это чудное дѣтище пытливаго разума и творческой силы, вложенной Богомъ въ душу человѣка; *слово*, служащее выраженіемъ всей внутренней жизни человѣка и всѣхъ его многообразныхъ отношеній къ окружающей природѣ. Безъ *слова* не было бы словесности, которая представляетъ собою общую сложность всѣхъ произведеній ума и души человѣка, выраженныхъ словомъ; однакоже смѣло можно сказать, что самую обширную и самую богатую словесность, устную и письменную, было гораздо легче создать каждому народу, нежели создать массу словъ, необходимыхъ ему для воплощенія всей совокупности понятій, которыя служатъ для выраженія внутренней дѣятельности человѣка и являются мощнымъ орудіемъ для поддержанія его внѣшнихъ отношеній ко всему міру. Если для созданія той или другой богатѣйшей и разнообразѣйшей словесности народу нужно было прожить разумною жизнью нѣсколько столѣтій, то не слѣдуетъ забывать, что

на созданіе словъ, составляющихъ языкъ, на созданіе того грамматическаго и логическаго строя, при помощи котораго отдѣльныя слова становятся способными выразить опредѣленную мысль— на эту тяжкую работу ушли тысячелѣтія... Тысячелѣтія эти протекли между тѣмъ первобытнымъ періодомъ, когда человѣкъ каменнаго и пещернаго періода, пользуясь своею природною способностью произносить членораздѣльные звуки, сталъ создавать первыя, быть-можетъ, звукоподражательныя слова, — и до того времени, когда онъ выступилъ, наконецъ, на поприще исторической жизни, хотя бы даже и въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова...

Языкъ, какъ живое цѣлое, какъ духовное созданіе творческой силы человѣка, обладаетъ способностью жить и развиваться, и совершенствоваться, и, въ такой же мѣрѣ—слабѣть, утрачивать силу и значеніе, и окончательно вымирать, заодно съ создавшимъ его народомъ. Если народъ не одаренъ отъ природы богатыми задатками къ развитію въ будущемъ, если онъ не выказываетъ способности подняться выше уровня бытовыхъ условій бродячаго дикаря-охотника или полудикаго кочевника, то и жизнь его остается постоянно на одной и той же стадіи развитія, и языкъ обладаетъ лишь существенно-необходимымъ ему запасомъ словъ, для выраженія ограниченнаго круга понятій, доступныхъ малоразвитому народу. И, въ этомъ случаѣ, языкъ можетъ тысячелѣтія оставаться въ одномъ и томъ же положеніи, не развиваясь, не усиливаясь, не дополняя запаса своихъ словъ — и тысячелѣтія пройдутъ для него безслѣдно и бесплодно. Если же народъ одаренъ отъ природы способностью къ дальнѣйшему развитію, благодаря которой ищетъ себѣ все лучшихъ и лучшихъ условій жизни, то онъ постепенно переходитъ отъ однѣхъ формъ быта къ другимъ и, наконецъ, доживаетъ до первыхъ стадій гражданскаго строя жизни. Сообразно съ этими переходами и языкъ такого народа постепенно развивается, богатѣетъ запасомъ словъ и достигаетъ бѣльшей гибкости и выразительности. Однимъ словомъ, языкъ служитъ самымъ живымъ и самымъ непосредственнымъ отраженіемъ жизни каждаго народа.

Но, собственно говоря, развиваться настоящимъ образомъ языкъ начинаетъ только тогда, когда народъ выступитъ на поприще исторической жизни и начнетъ переживать ея различныя фазисы: когда быть его уже не ограничивается однѣми обыденными потребностями первой необходимости, а, напротивъ того, начинастъ подчиняться высшимъ побужденіямъ и цѣлямъ общественнаго строя жизни. И, по мѣрѣ того, какъ жизнь народа развивается, становится разнообразнѣе и сложнѣе — развивается и языкъ его, и даетъ ему полную возможность выразить, обозначить

особымъ словомъ всѣ разнообразныя и сложныя явленія новаго строя его быстро-развивающейся жизни.

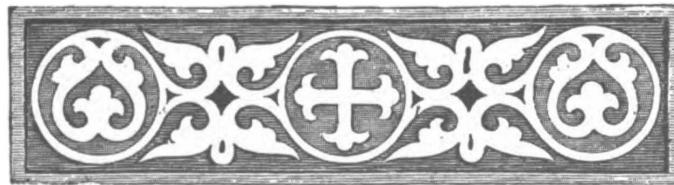
Обыкновенно, въ томъ періодѣ, когда народъ выступаетъ на поприще исторической жизни, онъ уже обладаетъ болѣе или менѣе развитою письменностью. Возрастающія потребности жизни усложняются уже настолько, что одного словеснаго выраженія мысли бываетъ недостаточно: является необходимость письменнаго закрѣпленія выраженной мысли, необходимость облеченія въ письменную форму многихъ явленій и фактовъ жизни, является высшая потребность вполнѣ созрѣвшаго въ своемъ развитіи чело-вѣка—потребность записывать факты для памяти или же для того, чтобы подѣлиться съ другими своею мыслью, своимъ впечатлѣніемъ, своимъ наблюденіемъ и опытомъ... Зарождается литература, и тогда уже наступаетъ новый періодъ въ развитіи языка, путемъ постепенной научной разработки его и путемъ всесторонняго изученія различныхъ его элементовъ.

Сообразно съ ходомъ развитія жизни народа, въ тѣсной связи съ нею, развивается, какъ мы видѣли, и языкъ... И по мѣрѣ того, какъ онъ становится вполнѣ пригоднымъ для выраженія мысли, чувства, впечатлѣнія—народъ, даже и далеко еще не достигнувшій высшихъ ступеней развитія, пользуется имъ для удовлетворенія различныхъ потребностей, не только матеріальныхъ, но и духовныхъ, и нравственныхъ: складываетъ пѣсни, въ которыхъ выражаетъ свои чувства, создаетъ обширный запасъ сказокъ, въ которыхъ дѣйствительность такъ игриво и такъ неразрывно сливается съ вымысломъ, проявляетъ свою практическую мудрость, свое остроуміе и наблюдательность въ загадкѣ и въ заговорѣ, въ пословицѣ и поговоркѣ. Этими произведеніями бываетъ богата словесность каждаго, даже и весьма юнаго народа, и очень часто случается, что вся умственная жизнь и дѣятельность народа только этими произведеніями и выражается, и ограничивается. Народъ, создавшій массу пѣсенъ и сказокъ, сходитъ со сцены, не оставивъ по себѣ никакихъ болѣе прочныхъ памятниковъ, и все, созданное имъ, пропадаетъ безслѣдно. Случается и наоборотъ: народъ, достигающій возможности жить историческою жизнью, при посредствѣ письменности, переходитъ отъ этихъ наивныхъ произведеній устной словесности къ произведеніямъ письменной литературы; отъ творчества, въ которомъ, болѣе или менѣе, *принимаетъ участіе весь народъ* (такъ какъ произведенія народной словесности передаются изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію)—къ *творчеству личному*, которое уже отражаетъ на себѣ народность лишь настолько, насколько та или другая личность олицетворяетъ собою общій характеръ народа. Случается нерѣдко, что письменность въ народѣ является очень рано, развивается при

такихъ условіяхъ, при такихъ господствующихъ вліяніяхъ, которыя сосредоточиваютъ умственную дѣятельность народа въ рукахъ высшаго слоя общества, въ рукахъ ограниченнаго меньшинства; и тогда письменная литература начинаетъ развиваться и расти по готовой программѣ, по чуждымъ образцамъ, и не только забываетъ свою народную основу, въ видѣ устной словесности, но даже относится къ ней съ пренебреженіемъ и порицаніемъ. Нарождается письменная литература и забывается устная народная словесность.

Вслѣдствіе такихъ различныхъ условій развитія народной жизни, могутъ существовать народы, не имѣющіе никакой письменной литературы и обладающіе обширной и богатой устной народной поэзіей; и, наоборотъ, народы, стоящіе на высшей ступени развитія и образованности, обладающіе обширной и разнообразной литературой, чаще всего не имѣютъ никакой устной, народной словесности — уже давно изсякнувшей и забытой всѣми.

Мы, русскіе, были, въ этомъ отношеніи, счастливѣе весьма многихъ европейскихъ народовъ. Обладая обширной и разнообразною устною словесностью, мы перешли къ письменной литературѣ при весьма благопріятныхъ условіяхъ, благодаря которымъ высшіе образованные классы общества не отдѣлялись рѣзкою гранью отъ народа, какъ это было на Западѣ; а потому и письменная литература наша ужь очень рано стала не только воспринимать и допускать вліяніе устной народной словесности, но и стремиться къ воплощенію лучшихъ элементовъ народной жизни въ формѣ литературныхъ произведеній.

Древнѣйшія времена.

Періодъ устной народной словесности.

I.

Обще-арійское происхождение славянскихъ народовъ.—Отголоски обще-арійскаго прошлаго. — Языки славянскіе и языкъ русскій. — Вліянія на него иноземныя и иноплеменные.

Русскій народъ является въ настоящее время наиболѣе могущественнымъ въ политическомъ смыслѣ и подавляющимъ по численности представителемъ обширной семьи народовъ славянскихъ, которые только еще начинаютъ выступать на поприще самостоятельной политической жизни. Семья народовъ славянскихъ, въ свою очередь, принадлежитъ къ обширному древнѣйшему Арійскому или Индо-Европейскому племени, отъ котораго ведутъ свое начало почти всѣ народы, населяющіе Европу.

Въ новѣйшее время, путемъ сравнительнаго изученія всей обширной группы языковъ *Арійскаго или Индо-Европейскаго племени*, ученые пришли къ тому заключенію, что всѣ Арійцы, когда-то, въ весьма отдаленное время, жили въ одной общей прародинѣ и говорили однимъ общимъ языкомъ. Арійскія преданія указываютъ, какъ на мѣсто этой общей прародины, на ту возвышенную часть Азіи, откуда берутъ начало рѣки Сыръ-Дарья и Аму-Дарья, съ одной стороны, и рѣки, текущія въ Индійскій океанъ — съ другой. Съ теченіемъ времени, однакоже, этотъ народъ арійскій сталъ распадаться на отдѣльныя вѣтви, по мѣрѣ того, какъ арійцы выселялись изъ прародины и осѣдали на новыхъ поселкахъ.

Сообразно этому распаденію и этимъ выселеніямъ, и первоначальный, общій всѣмъ арійцамъ языкъ-праотецъ тоже распался на новые, отдѣльные другъ отъ друга языки, нарѣчія и поднарѣчія.

Ученые предполагаютъ, что сначала арійцы распались на двѣ главныя вѣтви: *восточную* и *западную*. Восточная вѣтвь выдѣлила изъ себя вполнѣдствіи два племени: *Иранское* и *Индійское*, населившія Иранъ и Индію. Западная вѣтвь, въ разное время, выселилась постепенно въ Европу и здѣсь распалась также на двѣ вѣтви: на *сѣверно-европейскую* или *славяно-германскую* вѣтвь, и на *южно-европейскую* или *греко-итало-кельтійскую*.

Обще-арійское прошлое.

Вполнѣдствіи, славяно-германская вѣтвь, въ свою очередь, распалась — на *германскую* и *славяно-литовскую*. Отъ первой произошли германцы, отъ второй—славяне и литовцы.

Объ этомъ отдаленномъ общеарійскомъ прошломъ народовъ арійскихъ были добыты данныя опять-таки путемъ сравнительнаго языкознанія. Ученые, въ этой области наблюденія, пришли къ убѣжденію, что арійцы, даже и въ обще-арійскомъ періодѣ, стояли на степени развитія, весьма далекой отъ первобытнаго дикаго состоянія. Судя по нѣкоторымъ даннымъ языка, арійцы, въ этомъ обще-арійскомъ періодѣ, были племенемъ кочующимъ, наступешскимъ, но уже знакомымъ съ нѣкоторыми отраслями земледѣлія, хотя и въ весьма первобытной формѣ. Сравнительное языкознаніе указываетъ на существованіе у нихъ семьи и весьма опредѣленныхъ степеней родства. Любопытною чертою этого весьма отдаленнаго періода является то, что въ обще-арійскомъ запасѣ словъ не существуетъ словъ и выраженій, относящихся къ быту военному и морскому.

Періодъ странствованій.

За этимъ обще-арійскимъ періодомъ наступилъ для всѣхъ арійскихъ народовъ періодъ долгихъ странствованій и переселеній, пока они не осѣли на опредѣленной территоріи. И даже послѣ того, какъ они осѣли и обособились въ отдѣльныя племена, странствованія и передвиженія ихъ, въ опредѣленныхъ предѣлахъ, все еще продолжались. Такъ, на примѣръ, древнѣйшія славянскія преданія указываютъ намъ на Дунай и придунайскія мѣстности, какъ на исконную родину славянъ. Есть основаніе вѣрить этимъ преданіямъ и предполагать, что славяне, много вѣковъ сряду, пребывали въ Карпатахъ и на Дунаѣ, гдѣ память о нихъ сохранилась въ названіи мѣстностей даже и тамъ, гдѣ давно уже нѣтъ слѣдовъ славянскаго поселенія. Въ преданіяхъ сохранилось воспоминаніе и о послѣдующемъ движеніи славянъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ.

Объ этомъ обще-славянскомъ періодѣ, изъ сравнительнаго изученія языковъ славянскихъ, узнаемъ, что въ теченіе его сла-